

Научная статья
УДК 343.01:342.9

Соотношение уголовно-правовых и административно-правовых средств противодействия преступности на современном этапе

Максим Викторович Бавсун¹, доктор юридических наук, профессор
Андрей Николаевич Берестовой², кандидат юридических наук, доцент

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российской Федерации

² Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева

Санкт-Петербург (197046, Александровский парк, д. 5), Российской Федерации

¹ kafedramvd@mail.ru, ² andreyberestovoy@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, ² <https://orcid.org/0000-0003-0805-900X>

Аннотация:

Введение. Уголовное и административное право – максимально близкие друг к другу отрасли правового регулирования общественных отношений. Во многом именно в связи с этим и критерии разграничения содержащихся в них средств противодействия преступности представляются достаточно условными. Между тем такая условность носит не столько доктринальный, сколько практический характер, что находит соответствующее отражение как в законодательной, так и в правоприменительной деятельности. В полной мере это относится и к правовой регламентации конкретных средств принуждения, определенности в отнесении которых к той или иной сфере правового регулирования исторически так и не было выработано.

Методы. Методологическую основу данного исследования составили общенациональный диалектический и формально-логический метод.

Результаты. Используемые в уголовно-правовой теории категории вроде репрессии, кары или возмездия так же, как и другие оценочные признаки в виде жесткости воздействия или степени тяжести его реализации практически ничего не дают в плане понимания того, что необходимо относить к уголовной, а что к административной сферам правового регулирования. В свою очередь западная система правоотношений демонстрирует принципиально иной, значительно более гибкий и реалистичный подход к решению данной проблемы. Все это позволяет сформулировать вывод, согласно которому современная парадигма развития мер противодействия преступности в рамках обозначенных отраслей права требует соответствующего пересмотра.

Original article

Relation between criminal law and administrative law means for counteracting crime at the present stage

Maksim V. Bavsun¹, Doc. Sci. (Jurid.), Professor
Andrey N. Berestovoy², Cand. Sci. (Jurid.), Docent

¹ Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

² North-West branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

5, Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation

¹ kafedramvd@mail.ru, ² andreyberestovoy@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, ² <https://orcid.org/0000-0003-0805-900X>

© Бавсун М. В., Берестовой А. Н., 2025

Abstract:

Introduction. Criminal and administrative law are the most closely related branches of legal regulation of social relations. It is largely for this reason that the criteria for distinguishing between the means for counteracting crime they provide are rather conditional. Meanwhile, such conditionality is not so much doctrinal as practical in nature, which is reflected in both legislative and law enforcement activities. This approach fully applies to the legal specification of particular coercive measures, the classification of which into one or another sphere of legal regulation has historically never been developed.

Methods. The methodological basis of the research involves general scientific dialectical and formal-logical methods.

Results. The categories used in criminal law theory, such as repression, punishment or retribution, as well as other evaluative criteria such as brutality or severity of its implementation, contribute little to understanding what should be classified as criminal or administrative sphere of legal regulation. At the same time, the European system of legal relations demonstrates a fundamentally different, significantly more flexible and realistic approach to solving this issue. These facts make it possible to conclude that the current paradigm for developing measures for counteracting crime within the specified branches of law needs a thorough review.

Keywords:

responsibility, coercion, recovery, counteraction, impact, regulation

For citation:

Bavsun M. V., Berestovoy A. N. Relation between criminal law and administrative law means for counteracting crime at the present stage // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 4 (108). P. 91–97.

The article was submitted August 9, 2024;
approved after reviewing September 29, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Традиционным считается мнение, согласно которому уголовное право является карательной (охранительной) отраслью права, а средства, которые в его рамках предусмотрены, максимально репрессивны по отношению к их аналогам в других направлениях правового регулирования общественных отношений. Сам термин «наказание» исторически ассоциировался с наиболее жестким воздействием со стороны государства в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления. Тезис, наделенный статусом догмы, положенной в основу разделения двух отраслей права, имеющих принципиально различное отношение к тем средствам принуждения, которые они регламентируют. По крайней мере обозначенная позиция в рамках исторического аспекта типична для советского периода развития права и государства, когда, по сути, она и была сформулирована, а затем получила серьезное развитие и обоснование.

Между тем трансформация современного мира и общественных отношений, повлияв практически на все процессы и явления, не обошла стороной и фундаментальные правовые вопросы, включающие проблемы дифференциации различных сфер правового регулирования. Ее критерии не просто поменялись. Претерпев существенное перерождение, они по большому счету пока что остались до конца не определенными, а прежние наработки по их выделению отчасти потеряли свою актуальность. Их значимость формировалась, во-первых, историческими предпосылками, а во-вторых, теми периодами, в которых они были разработаны, так же, как и их в определенной мере невостребованность объясняется масштабностью изменений в общественных отношениях.

Методы

Методологическую основу данного исследования составили общенаучный диалектический и формально-логический метод. Оценка исторического контекста формирования уголовного и административного права проводилась с помощью историко-правового метода, который позволил проследить развитие взглядов на правоприменение и изменение концепции наказания в разные исторические периоды; сравнительный анализ подходов к уголовному и административному праву помог выявить сходства и отличия в регулировании средств принуждения в различных правовых системах, что важно для понимания текущих тенденций; анализ научных источников позволил обосновать выдвинутые тезисы, а также выявить актуальные дискуссии и проблемы; для иллюстрации того, как теоретические концепции и правовые нормы действуют в реальных ситуациях и как они могут изменяться в зависимости от контекста, применялся кейс-метод, а также метод интерпретации правовых норм; с помощью метода прогнозирования дана оценка возможных тенденций развития уголовного и административного права в свете современных вызовов, таких как изменения в общественных отношениях и новые угрозы безопасности. Каждый из этих методов помог сформировать комплексное понимание проблемы сращивания административных и уголовных средств принуждения, а также обосновать необходимость изменения подходов к правообразованию и правоприменению в современных условиях.

Результаты

Сегодня однозначно говорить о том, что может быть отнесено к средствам принуждения, имеющим исключительно административно-правовое происхождение, а что уголовно-правовое, крайне сложно, если это вообще возможно. Дело в том, что ни репрессивность средств воздействия, ни наличие или отсутствие в них элементов кары, а также возмездия, в современных условиях не дают ответа, к какой из отраслей права они должны быть отнесены, точно так же как далеко не всегда они указывают на их правовой статус. По сути, отсутствие самих критериев той же репрессивности или кары в условиях турбулентности правоотношений всех групп и направлений во многом легло в основу нестабильности решения на первый взгляд уже давно решенных вопросов. Данная проблема существовала всегда, однако ее серьезное обострение произошло именно сейчас, когда дополнительные сложности стали возникать при определении того, что из совершаемых деяний в современных условиях следует относить к общественно опасным, а что нет.

Отчасти этому способствовало проведение специальной военной операции на Украине и появление в связи с этим принципиально новых угроз. В некоторой степени это проблема миграционной безопасности, ставшая в определенный момент глобальной. Во многом это усилившаяся угроза государственной безопасности, конституционному строю и в целом официальной власти, защита которых прежними средствами стала практически невозможной. Безусловно, это и другие угрозы, возникновение которых обусловлено не только внутренними, но и внешними, включая внешнеполитические, факторами.

Глубокая трансформация значительной части жизнедеятельности, спровоцировавшая при этом появление новых опасностей для целых групп общественных отношений, вынудили законодателя подойти комплексно к модернизации нормативного материала, особенно в части регламентации средств противодействия преступности. С учетом рефлексивности принятия законодателем большинства решений, основанных как на высоком уровне угроз, так и на необходимости действовать быстро, снятие вопроса об отраслевой принадлежности той или иной меры принуждения также, по всей видимости, пока находится на уровне интуиции. В свою очередь уже сегодня это повлекло за собой возникновение сомнений относительно степени жесткости двух правовых отраслей – административной и уголовной, а соответственно, их нахождения в пределах тех догм, которые сформировались в данной части за последнее столетие.

«Интерес в данном случае представляет то обстоятельство, что, по сути, крайне жесткие меры государственного принуждения (выдворение, депортация, а также высылка (несмотря на то, что речь идет только о ее режиме) по-прежнему остаются в сфере административно-правового регулирования. Более того, уголовное право и законодательство пока не задействованы совершенно, и это с учетом их наибольшей репрессивности по отношению к любой другой правовой отрасли. Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), даже в ситуации максимально быстрого и эффективного реагирования на вновь возникающие угрозы, по-прежнему остается крайне консервативным в отношении любых нововведений в части совершенствования механизма принуждения» [1, с. 160].

Между тем административное законодательство планируется развивать в данном направлении и в дальнейшем. Об этом свидетельствует, например, решенный сегодня вопрос расширения возможностей для лишения ранее полученного лицом гражданства, или изменения размеров штрафов в административном законодательстве и особенно дифференциации их минимальных и максимальных пределов [2, с. 111–113], а также установления самого факта его отнесения к разряду уголовных или административных [3, с. 140–141] и др. Особенно важно отметить, что степень жесткости административного законодательства также определяется его оперативностью реагирования не только в плане совершенствования, но и применения, что существенно его отличает от УК РФ, делая именно более жестким упрощенностью своей процедуры, а соответственно, более реальным (оперативным) и эффективным орудием противодействия преступности.

М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, рассуждая о концентрации уголовной политики, обозначают несколько ее векторов. В частности: концентрация криминообразующих признаков деяния в составе преступления; в одном составе преступления; наказаний в санкциях статей; составы однородных преступлений в структурной единице текста уголовного закона; концентрация всех составов преступлений в едином уголовном кодексе (а также в правоприменительной практике:

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

концентрация судебной практики на отдельных видах наказаний; борьба с отдельными преступлениями в их наиболее типичных проявлениях и т. д.) [4, с. 22–26]. Соглашаясь с авторами по абсолютному большинству выдвигаемых ими идей, нельзя не отметить, что речь учеными ведется относительно концентрации уголовной репрессии. Соответственно, все рассуждения в отмеченной работе непосредственно связаны с уголовным законодательством и его применением, уголовной политикой, наказанием, преступлением и другими категориями уголовно-правового характера. Это вполне объяснимо, т. к. точка зрения, согласно которой уголовная политика может формироваться исключительно за счет уголовно-правовых средств, является если и не доминирующей, то достаточно распространенной [5, с. 11].

Однако на фоне приведенной выше информации, связанной с динамикой развития административного законодательства в части правовой регламентации мер принуждения, крайне интересным представляется вопрос о концентрации средств противодействия преступности в сфере административно-правового регулирования общественных отношений. Особенно это интересно на фоне высказываемых в литературе идей о переоценке уголовно-правовых средств в противодействии преступности [6], а также о том, что «одними только законодательными мерами невозможно достичь желаемого социального результата» [7], и что «современная уголовная политика требует новых идей в теории стратегии и тактики разрешения социальных конфликтов с помощью внеправовых методов, которые составляют основу эффективного противодействия преступности» [8]. Что характерно, специалисты в области уголовного процесса также отмечают, что достижение целей уголовного судопроизводства объективно оказалось затруднительным без использования наряду с собственно мерами уголовно-процессуального принуждения и других мер принуждения, в частности, мер административно-правового характера [9, с. 10].

И здесь нельзя не согласиться с гораздо более гибким подходом, который демонстрируется на Западе. Раскрывая его, И. А. Клепицкий пишет: «Страсбургское прецедентное право обусловило формирование в Европе новой доктрины „уголовной сферы“ (*matiere penal*), которая привлекает пристальное внимание правоведов, широко дискутируется, и которой ведущие ученые посвящают свои исследования. Понятие уголовной сферы охватывает уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и часть административных правоотношений, в частности, отношения, связанные с применением административных взысканий. Это новое понятие связано с толкованием „уголовного обвинения“ в ст. 6 Европейской конвенции, которая предусматривает право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и гласность судебного разбирательства как по гражданским делам, так и при рассмотрении уголовного обвинения (*accusation en matiere penale, criminal charge*)»².

Л. В. Головко в связи с этим подчеркивает, что проблема в данном отношении для нас со зрела далеко не только на академическом уровне. «...ЕСПЧ уже давно прямо указал, что для него российские „административные правонарушения“ являются частью *criminal matter*, то есть уголовного, а не административного права». И далее: «При этом концепция уголовно-правовой сферы сегодня охватывает российское право не только в теоретической, но и в абсолютно практической плоскости» [10, с. 50–51]. Рассуждая, ученый прямо указывает, что сформированная советская правовая «школа», строящаяся на жестком разделении отраслей права между собой, так и не позволяет «...современной политико-юридической элите увидеть в ответственности за административные правонарушения отнюдь не административную, а административно-уголовную (с ударением на втором слове) ответственность». И далее: «...следует отказаться от устаревшей советской концепции о том, что уголовное право содержится только в Уголовном кодексе – данная концепция реальности не соответствует» [10, с. 50–51].

Полагаем, что дело даже не в приверженности той или иной системе и уж тем более не в критике одной и поддержке другой. Суть проблемы лежит в области фактического развития в настоящий момент как административного, так и уголовного законодательства, синхронно демонстрирующих «срашивание» средств принуждения, когда сделать однозначный вывод о принадлежности большей их части к той или иной отрасли правового регулирования стало практически невозможно.

Как показывает подход, который демонстрируется законодателем в последние несколько лет, условный «перенос» достаточно жестких средств воздействия в отношении тех, кто совершил, в т. ч. преступления, именно в данную правовую отрасль стал носить все более системный характер. По крайней мере, его регулярность не вызывает сомнений. Что интересно, все

² Клепицкий И. А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете европейской конвенции о правах человека и наказание в России в свете европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 65–74.

рассуждения относительно репрессивности данных средств принуждения, исходя из доктрины как уголовного, так и административного права, невозможны априори, и это тоже догма³ [11, с. 44, 67, 92; 12, с. 107, 142; 13, с. 8; 14, с. 519–522; 15].

В то же время надо понимать, что так же, как и вопрос разграничения преступления и правонарушения применительно к средствам воздействия, их рассмотрение в качестве административно-правовой или уголовно-правовой меры носит максимально субъективный характер и находится полностью в рамках законодательного усмотрения. Лишь условно мы не можем рассуждать об отсутствии репрессивности многое из того, что сегодня находится в административном законодательстве, да и то это обусловлено лишь его статусом. Впрочем, и о репрессивности того, что сегодня содержится в УК РФ, с позиции обоснованности данного критерия можно рассуждать достаточно много и вполне обоснованно. В значительной степени это обусловлено именно тем, что в настоящее время разграничение средств принуждения, отнесенных к административно-правовому статусу и иных мер уголовно-правового характера (как и отдельных видов наказаний и их размеров), находится за пределами формализованного подхода. При этом именно с формальной точки зрения то, что находится в уголовно-правовой сфере, имеет более жесткий характер, а в административно-правовой – наоборот. Но это только с формальной точки зрения, а с фактической все не настолько очевидно. Именно поэтому нельзя не согласиться с Т. Г. Понятовской, которая, обращая внимание на такое средство принуждения, как административный надзор, указывает на его уголовно-правовую природу происхождения [16]. Точно так же и наоборот, авторы свидетельствуют о том, что далеко не все предусмотренные уголовным законом меры воздействия являются собственно уголовно-правовыми [17, с. 229–230].

В целом эта ситуация имеет массу примеров, характеризующих ее как с одной, так и с другой стороны. Нет сегодня, например, критериев, которые бы четко указали на то, что судебный штраф (глава 15² УК РФ) или даже штраф как вид наказания, более жесткая мера, чем, например, административный штраф (ст. 3.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ (далее – КоАП РФ)). То же самое можно сказать и о конфискации имущества (глава 15¹ УК РФ) и конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения (ст. 3.7 КоАП РФ), аресте имущества в целях обеспечения исполнения постановления о назначении административного наказания за незаконное вознаграждение от имени юридического лица за совершение в интересах юридического лица сделок или финансовых операций с имуществом, полученным преступным путем (ст. 27.20 КоАП РФ). Нет таких критериев и применительно к таким мерам принуждения, как прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступления (ст. 24 Федерального закона № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁵), применение которого возможно, например, за государственную измену (ст. 275 УК РФ), санкция которой ее даже не предусматривает, и ограничение свободы, как раз в санкции статьи нашедшее свое отражение.

С одной стороны, обе меры несравнимы, а с другой – они предусмотрены за одно и то же деяние, но на принципиально различных уровнях. В свою очередь возможность их применения за одно и то же деяние позволяет нам рассуждать о них как об однопорядковых, но при этом нет никаких шансов оценить степень их жесткости в целом и по отношению друг к другу в частности. Это сравнение может носить лишь оценочный характер, но дело даже не в этом. С доктринальной точки зрения, сам факт того, что за установленный факт совершенного преступления применяется мера, напрямую в санкции статьи УК РФ не предусмотренная, создает весьма противоречивую ситуацию. Особенно это важно, если учесть, что это далеко не единичный случай, и одно только лишение гражданства сегодня может применяться по восьмидесяти составам УК РФ⁶. Таким образом, на данный момент можно признать массовой ситуацию, когда ответственность за значительное число преступлений (различных групп и категорий) может наступать в т. ч. в рамках административного законодательства, причем даже без какого-либо упоминания уголовного законодательства.

В связи с этим возникает как минимум три закономерных вопроса. Во-первых, почему принуждение происходит в рамках административного законодательства и почему его нельзя

³ Догматизм в этом вопросе находит соответствующее обоснование в отечественной уголовно-правовой доктрине. Так, А. А. Нечепуренко среди всех форм реализации уголовной ответственности рассматривает исключительно: наказание, испытание и судимость.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁵ О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

⁶ См.: Алексеева М. Закон о новых основаниях для лишения приобретенного гражданства РФ вступил в силу // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/news/1841922/> (дата обращения: 14.08.2025).

предусмотреть в уголовно-правовой сфере, во-вторых, как определить, что административно-правовая мера воздействия носит менее жесткий характер, чем то, что содержится в санкциях статей УК РФ, и так ли это, и в-третьих, насколько это ответственность административная, или она все-таки административно-уголовная? Сам по себе статус не дает ответа на второй вопрос, точно так же как он может быть использован при ответе на первый. Дело в том, что отнесение той или иной меры к одной из отраслей правового регулирования, с одной стороны, носит крайне субъективный характер, а с другой – также находится под давлением догм, объясняющих в т. ч. позицию законодателя.

Монолитность системы наказаний наряду с традиционно и откровенно слабой (бессистемной) проработкой иных мер уголовно-правового характера, имеющих под собой мощную, много вековую ретроспективу, неизбежно порождает соответствующий и вполне закономерный подход законодателя в решении данного вопроса. В своем выборе относительно как самой меры принуждения, так и определения ее статуса (включая процедуру реализации), правотворцу, так же как и любому другому человеку, проще пойти по тому пути, который был пройден ранее другими [18, с. 168–178, 234–238]. Причем это касается не только нормотворческой деятельности, но и того, как это определено в доктрине и как преподается в юридических вузах (что имеет если и не ключевое, то крайне важное значение), а соответственно, и сформированных знаний, не позволяющих выйти за пределы тех самых догм, которые носят фундаментальный (на уровне базового образования) характер, лежащих в основе даже психологии принимаемых решений. При этом нельзя забывать, что у правопримениеля выбора не остается и у него также формируются своя психология и свое правосознание, в рамках которых имеется четкое понимание усиления роли средств административно-правового принуждения в современных условиях. Не самой ответственности, а именно принуждения, репрессивность которого становится все более очевидной.

Во многом это проблема самой уголовной ответственности, определения которой, равно как и ее пределов в сфере уголовно-правового регулирования, до сих пор так и нет. Отсюда и те вопросы, получения ответов на которые также пока не предвидится. Видение данной категории в ее максимально широком варианте, от момента совершения преступления до момента снятия или погашения судимости, с одной стороны, дает такие же широкие возможности в части определения конкретных средств воздействия. С другой – эта же позиция о границах и пределах ответственности также обязывает к крайне сложному процессу выстраивания такой системы противодействия преступности уголовно-правовыми средствами. Однако именно широта представления об уголовной ответственности наряду с совершенно неустоявшейся позицией по данному вопросу, не говоря уже об отсутствии официальной позиции законодателя по его регулированию, создает все необходимые предпосылки для неопределенности именно в части того, что может составлять то самое ее содержание. Формулировки – «тяготы и лишения»⁷ [19, с. 6; 20, с. 31–32; 21, с. 31], или «обязанность виновного нести ответственность», «претерпевать тяготы и лишения», распространенные в теории уголовного права, лишь добавляют такой неопределенности, не просто не позволяя разграничить две сферы правового регулирования, а еще больше запутывая ситуацию, не давая необходимой в таком случае точки опоры законодателю, уводя его в область субъективной (мировоззренческой) оценки. Следует констатировать, что доктрина в данном конкретном случае на протяжении длительного исторического периода вносит лишь сумятицу в решение этого вопроса, уже даже толком не раскрывая наиболее его проблемные аспекты, не говоря уже об их решении. По крайней мере, результат в этих рассуждениях не прослеживается, оставляя место для постоянных разногласий по фундаментальным вопросам средств принуждения в отношении тех, кто признан виновным в совершении преступлений. В конечном итоге Ю. Е. Пудовочкин делает важное и вполне обоснованное заключение о непосильности решения задачи определения природы всех расположенных за пределами уголовного закона мер воздействия на лиц, совершивших преступления⁸. От себя лишь добавим, что это в равной степени распространяется в т. ч. и на сами меры, содержащиеся непосредственно в тексте уголовного закона.

Выводы

Как итог, обе отрасли, исторически развивавшиеся как единое целое, несмотря на состоявшуюся формально-юридическую попытку их разделения, продолжают демонстрировать

⁷ См., например: Курс советского уголовного права Часть общая : В 6 т. / Пионтковский А. А., Стручков Н. А., Ромашкин П. С. [и др.]. Москва : Наука, 1970. Т. 3: Наказание. С. 7 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / Векленко В. В. [и др.] ; под общ. ред. В. В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2022. С. 65–70 и др.

⁸ См.: Пудовочкин Ю. Е. Понятие и система уголовно-правовых последствий совершения преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 129. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-126-136>

родственность подходов, по крайней мере, в части определения средств принуждения, применяемых в отношении тех, кто совершил не только правонарушения, но и преступления. Их практически «генетическая» связь, обусловленная природой своего происхождения в современных, по сути, экстремальных условиях, оказывает определяющее воздействие именно на направление трансформации, где такие категории, как безопасность общества, а соответственно, целесообразность и идеология противодействия преступности, объясняющие многие процессы, оказываются доминирующими. В свою очередь преодоление догм не может происходить в других условиях, а перестройка доктрины под влиянием действий законодателя наблюдается далеко не впервые для любой правовой отрасли в пределах исторических процессов и существующих у исследователей возможностей для их анализа.

Искусственность столь жесткого подхода при разделении средств воздействия в отношении тех, кто совершил преступления, который был принят в свое время, наряду с так и не выработанными критериями разграничения средств государственного принуждения в зависимости от отрасли правового регулирования, при малейшем изменении баланса в общественных отношениях неизбежно влечет за собой крайности в уже, казалось бы, решенных вопросах межотраслевого характера. Между тем все они имеют свои исторические предпосылки. Следует учитывать также зарубежные современные тенденции, указывающие на большую вероятность трансформации подхода к пониманию базовых, в значительной мере разработанных категорий: принуждение, воздействие, ответственность.

Список источников

1. Бавсун М. В. Выдворение, депортация и режим высылки, как иные меры уголовно-правового характера // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2 (97). С. 159–164. <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2025-297-159-164>
2. Рёрихт А. А., Дубовик О. Л. Разграничение уголовной и административной ответственности: теоретические основания и практические последствия // Юридические исследования. 2017. № 5. С. 107–123. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2017.5.22748>
3. Головко Л. В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву // Lex Russika. 2016. № 1 (25). С. 139–145.
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Концентрация уголовной репрессии: проблемы теоретического понимания и практики воплощения // Научный портал МВД России. 2011. № 1. С. 22–31.
5. Александрова И. А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности : монография. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2014. 206 с.
6. Рарог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 470–479. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).470-479](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).470-479)
7. Денисова А. В. Российское уголовное право как открытая социальная подсистема / Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : материалы IX Российского Конгресса уголовного права, г. Москва, 29–30 мая 2014 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. Москва : Юрлитформ, 2014. С. 18–22.
8. Лесников Г. Ю. Уголовная политика как стратегия и тактика борьбы с преступностью / Современные проблемы уголовной политики : материалы IV международной научно-практической конференции, г. Краснодар, 27 сентября 2013 г. : в 3 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2013. Т. 1. С. 127–133.
9. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2003. 320 с.
10. Головко Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 42–52.
11. Нечепуренко А. А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и перспективы законодательного регулирования : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2014. 175 с.
12. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск : Вышэйшая школа, 1976. 383 с.
13. Жалинский А. Э. Уголовная политология. Сравнительное международное уголовное право // Избранные труды : [в 4 т.] / сост. К. А. Барышева [и др.]. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. Т. 3. 618 с.
14. Каплунов А. И. Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4. С. 518–524. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2019-16-4-518-524>
15. Соловьев Ю. П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 2. С. 56–63.
16. Понятовская Т. Г. Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 98–103.
17. Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. Москва : Норма, 2011. 318 с.
18. Кульчар К. Основы социологии права : [перевод] / с предисл. и под общ. ред. В. П. Казимира Чука. Москва : Прогресс, 1981. 256 с.
19. Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1990. 125 с.
20. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1968. 128 с.
21. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. Москва : Юридическая литература, 1974. 231 с.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.